

УДК 821.161.1.09-1(02)  
DOI 10.20339/PhS.6-25.171

С.М. Скибин

## Научная рецензия на книгу В.И. Коровина «Лирика Н.С. Гумилева»

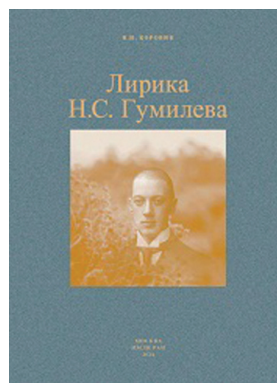
В рецензируемой книге доктора филологических наук, профессора В.И. Коровина (Лирика Н.С. Гумилева. М.: ИМЛИ РАН, 2024) — одного из крупнейших современных специалистов в области истории отечественной поэзии — исследуется эволюция творчества русского поэта XX века Н.С. Гумилева. Автор на широком культурно-эстетическом фоне эпохи исследует открытия поэтов Серебряного века, и прежде всего символистов и акмеистов. Он объясняет причины кризиса символистов и то, как в недрах символизма и параллельно с ним формировалось новое течение — акмеизм. Композиционно книга построена так, что литературовед последовательно рассматривает все сборники Гумилева — от «Пути конкистадоров» до «Огненного столпа». Анализируя их, В.И. Коровин раскрывает и тайны авторского замысла, и отзывы современной критики, и позиции литературоведов нашего времени. Опираясь на эти знания, он выстраивает собственную оригинальную точку зрения. Но главное, он погружает читателя в культурную атмосферу начала XX века, в мир бесценных для русской литературы художественных открытий. Он показывает, что уже в ранней лирике Гумилев заявил о себе как человек неоднозначный, ищущий пути к постижению мира Земного и Небесного. По мере исследования эволюции творчества В.И. Коровин обнаруживает кардинальные перемены во взглядах Гумилева. И в то же время он подчеркивает, что расхождения между символистами и акмеистами сильно преувеличены. Заслуживают самой высокой оценки приключения автора, поражающие своей масштабностью, академической скрупулезностью и глубиной. Безусловно, эта книга войдет в фонд самых значительных исследований, посвященных Серебряному веку. Она непременно должна быть переиздана более расширенным тиражом. Книга фактически подводит итог осмысления творчества Гумилева за последние сто лет.

**Ключевые слова:** В.И. Коровин, Н.С. Гумилев, Серебряный век, символизм, акмеизм

The peer-reviewed book by Doctor of Philology, Professor V.I. Korovin (The Lyrics of N.S. Gumilev. Moscow: IMLI RAS, 2024), one of the largest modern experts in the field of the history of Russian poetry, examines the evolution of the work of the 20th century Russian poet N.S. Gumilev. The author explores the discoveries of the Silver Age poets and, above all, symbolists and acmeists against the broad cultural and aesthetic background of the era. He explains the causes of the Symbolist crisis and how a new trend, Acmeism, was formed in its depths and in parallel with them. Compositionally, the book is structured in such a way that the literary critic consistently examines all Gumilev's collections, starting from The Path of the Conquistadors to the Pillar of Fire. Analyzing them, V.I. Korovin reveals the secrets of the author's idea, the reviews of modern critics, and the positions of literary critics of our time. Based on this knowledge, he builds his own original point of view. But most importantly, it immerses the reader in the cultural atmosphere of the early 20th century, in the world of artistic discoveries invaluable to Russian literature. He shows that already in his early lyrics Gumilev declared himself to be an ambiguous person, looking for ways to comprehend the world of the Earthly and Heavenly. As he studies the evolution of creativity, V.I. Korovin discovers drastic changes in Gumilev's views. At the same time, he shows that the differences between symbolists and Acmeists are greatly exaggerated. The author's notes, which are striking in their scale, academic thoroughness and depth, deserve the highest appreciation. Of course, this book will be included in the collection of the most significant studies on the Silver Age. It should definitely be republished in a more expanded edition. The book actually sums up the understanding of Gumilev's work over the past hundred years.

**Keywords:** V.I. Korovin, N.S. Gumilev, Silver Age, symbolism, acmeism

Новая книга одного из крупнейших современных литературоведов, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, действительного члена Академии российской словесности, Валентина Ивановича Коровина «Лирика Н.С. Гумилева» представляет собой масштабное исследование, посвященное лирике Н.С. Гумилева, где, с одной стороны, анализируются критические статьи, письма, мемуары современников



**Коровин В.И.** Лирика Н.С. Гумилева. Москва : ИМЛИ РАН, 2024. — 816 с.

**Korovin, V.I.** The Lyrics of N.S. Gumilev. Moscow: IMLI RAS, 2024. 816 p.

ISBN 978-5-9208-0769-4

и работы литературоведов последующей эпохи, вплоть до наших дней, а с другой — выстраивается позиция самого В.И. Коровина, изложенная ярким полемическим слогом, увлекающим читателя.

Книга начинается с Введения. Это объемная часть издания, в которой рассматривается процесс становления символизма и переход к акмеизму. Серебряный век в работе В.И. Коровина — явление сложное, многогранное, осмысление которого требует постижения философских течений эпохи, живописи, музыки, поэзии и прозы. Более того, он ищет и находит корни этого явления в художественно-эстетических системах прошлого, и только такой багаж знаний, по его убеждению, дает право современному литературоведу приступить к исследованию поэтических исканий Гумилева.

В.И. Коровин убежден, что

...цель символизма — преобразовать земной мир, слить его с миром запредельным в единое целое и превратить в мир совершенный, прекрасный и счастливый. <...> Символ — это художественный образ, соединяющий два мира — здешний и нездешний — «предмет», подлежащий познанию, и не познаваемую сущность <...>. Главная задача, стоящая перед человечеством, по убеждению символистов, — вновь обрести потерянное единство бытия и слить воедино два мира (С. 9–10)<sup>1</sup>.

Попытки преобразовать мир с помощью искусства слова оказались безуспешными и привели к кризису символизма. Автор исследует зарождение акмеизма и его становление как яркого литературного течения и как школу поэтов. Он отмечает, что в процессе развития акмеисты теряли оригинальные признаки и все более сближались с символистами. Это и дало основание В.И. Коровину утверждать: «...акмеизм не столько родное дитя символизма, сколько его родной младший брат, назвавшийся иным именем» (С. 77). Он полагает, что акмеизм сыграл важную роль в истории русской поэзии: «Творческими усилиями поэтов, великих и наделенных более скромными дарованиями, обновилась поэзия — ее содержание, ее формы, ее язык. И в этом состоит заслуга акмеистов перед нашей нацией» (С. 78).

Первая глава посвящена раннему периоду творчества Гумилева. Автор погружается в культурную атмосферу, в которой проходил процесс становления лирики поэта. Уже в первом сборнике «Путь конквистадоров» были очевидны жизнеутверждающие неоромантические и символические мотивы, что позволило ученому не согласиться с петербургскими критиками, причислившими поэта к декадентам. По мнению исследователя, «Гумилев пришел в мир, чтобы открыть тайны счастья человечества и установить в нем давнюю мечту романтиков — Царство Божие» (С. 135). В.И. Коровин отмечает «ученический» характер сборника, указывает на заимствованные мотивы и образы из произведений М.Ю. Лермонтова, В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта и европейских символистов. Однако, по его убеждению, сборник не носит эпигонского характера. В нем чувствуется влияние философии Ф. Ницше, идей В.С. Соловьева и поэтов символистов. Обращение к ним было необходимо Гумилеву, чтобы определить свой путь в поэзии.

Сопоставляя разные точки зрения на раннее творчество Гумилева (А.А. Ахматовой, Ю.И. Айхенвальда, В.А. Рождественского, Н.А. Оцупа, Н.А. Богомолова, Г.П. Струве, Г.В. Иванова, С.К. Маковского, Альфреда Бема, Жоржа Нивы, К.Н. Чуковского, В.Я. Брюсова и др.), В.И. Коровин не спешит занять однозначную позицию, полагая, что, отвечая на вопросы, поставленные уже в сборнике «Путь конквистадоров», необходимо погрузиться и осмыслить поэтику его более позднего творчества. Вот как об этом пишет литературовед:

Для того чтобы выяснить правоту тех или иных критиков, нужно признать, что Гумилев действительно примерял разные маски — конквистадора, открывателя земель, путешественника, рыцаря, воина — и вместе с тем глубоко разочарованного современностью, но мужественного и неунывающего человека и поэта, отдающего себе ясное сознание в том, что пребывает в трагическом мире, как и все человечество, и устремленного с верой и надеждой отыскать подлинный Замысел Бога, найти ту заветную золотую дверь и открыть ее, чтобы спасти людей и наградить их вечным счастьем (С. 174).

<sup>1</sup> Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы рецензируемого издания.

По мнению исследователя, уже в раннем творчестве Гумилев предстал как поэт со свежим детским и одновременно мудрым отношением к жизни, как человек неоднозначный, заставляющий читателей искать в его творчестве ответы на глобальные вопросы современности. Для его ранней лирики характерна противоречивость. Она проникнута ощущением трагизма, безысходности, грусти, проступающей сквозь иронию. Муза Дальних Странствий влекла Гумилева к постижению мира Земного и Небесного.

Во второй главе период написания сборников «Романтические цветы» и «Жемчуга» В.И. Коровин определяет как целиком неоромантический. В сборнике через призму исторических событий, исторического бытия человека постоянно проступает романтическое мироощущение. Однако стихотворения, относящиеся к разным эпохам, лишь условно объединены по временному принципу. Исследователь утверждает, что в основу структуры сборников положена мечта о счастливом будущем человечества, которое жаждет нового рая, слияния земного и небесного, избавления от зла и бессмертия в совершенном мире. Эту идею Гумилев воплощает в передаче внутреннего мира героев его лирики. Он приходит к выводу, что человек, искупая первородный грех, должен надеяться на свое духовное совершенствование, благословляемое свыше.

По мнению В.И. Коровина, в сборнике «Жемчуга» уровень поэтического искусства автора гораздо выше, чем в предыдущих. Здесь «... экзотика представляет собой явление не столько темы, сколько поэтического стиля и принадлежит к феноменам внутреннего, а не внешнего порядка. Название «Жемчуга» символично: это путь Христа.

Он идет путем жемчужным  
По садам береговым...  
и его дорога отличается от дороги людей (С. 222).

Как и в предыдущем сборнике, поэт снова обращается к разным этапам развития мира и духовного наполнения. Литературовед убеждает в том, что центральные мотивы в «Жемчугах» — жажда гармонии и недоверия к рациональному познанию. В.И. Коровин отмечает, что, выпуская свой сборник «Жемчуга», Гумилев уже пытается найти новый путь: «... “Жемчугами” заканчивается большой цикл моих переживаний, и теперь я весь устремлен к иному, новому. Каково будет это новое, мне пока не ясно» (С. 265).

Третья глава посвящена исследованию сборника «Чужое небо». Опираясь на позиции современников и литературоведов последующих лет, сопоставляя разные версии, В.И. Коровин пытается дать верное, по его мнению, истолкование названия, справедливо полагая, что это приоткроет завесу над замыслом Гумилева, который, меняя акценты, совершает переход к новой поэтике. Традиционно литературоведы в названии «Чужое небо» видели либо стремление так называть небо тех стран, где он путешествовал, либо отчуждение от неба Родины, ставшего для него чужим. В.И. Коровин полагает, что в таком названии сборника был, с одной стороны, открытый вызов Гумилева символистам — поэт хотел подчеркнуть то, что «...его небо как идеал отныне чуждо их небу» (С. 307), с другой стороны, здесь получили воплощение кризисные семейные отношения с А. Ахматовой. Понятие о «небе» семейного счастья было у Гумилева не таким, как у Ахматовой. И это отразилось в сборнике. Тем самым и в акмеизме, и в семье Гумилев почувствовал себя — всюду — «чужим». Не символисты и не Ахматова стали для него «чужими», а он, Гумилев, стал для них чужим. Он, как помним, «пришел из чужой страны» и, несмотря на увлечение символизмом и учебу у символистов, все-таки чувствовал себя чужаком в их среде (С. 307). Именно в этом сборнике стали очевидны кардинальные перемены во взглядах Гумилева на поэтическое искусство.

Особый интерес в этой главе представляет анализ стихотворений о любви, посвященных Ахматовой. В центре внимания исследователя оказываются конфликтные проблемы философско-нравственного плана. У мужчины и женщины — героев лирики Гумилева — разные представления о чувственном и духовном, поэтому гармония между мужчиной и женщиной невозможна.

«Однако у них разные характеры и разные представления о пути к раю: мужчина — пылок, женщина — холодна; мужчина готов быть послушным спутником и готов верить женщине свою судьбу, но женщина при жажде власти равнодушна к роли поводыря; мужчина радуется земным наслаждениям, женщина выше ставит свою поэзию, чем любовь и семейное счастье» (С. 311).

В.И. Коровин указывает на изменения, которые произошли с героем лирики Гумилева: он в «чужом» небе не знает спокойствия. Но теперь он является читателю не смелым и неутомимым путешественником, не конкистадором или викингом, а человеком, живущим прежними мечтами и тоскующим об ушедшем вчера.

Определяя место сборника в творчестве Гумилева и в русской лирике начала XX в., В.И. Коровин особое внимание уделяет рецензии М.А. Кузьмина [1], который верно уловил произошедшие изменения в мировоззрении и поэзии Гумилева: покидает символизм и осваивает новую поэтику. В.И. Коровин исследует и влияние Теофиля Готье на становление творчества русского поэта. Он полагает, что заслуга французского поэта состояла в том, что благодаря ему Гумилев нашел свой стиль. Позднее и сам поэт настаивал на разительном сходстве, которое угадывалось в их творчестве и судьбе.

В четвертой главе исследуются сборники «Колчан» и «Костер». Литературовед отмечает, что 1913 г. — время творческого и жизненного кризиса Гумилева. Еще до того периода он много путешествует по городам Италии. В сборник «Колчан» вошли «итальянские стихи» поэта, широко обсуждаемые в критике.

Сопоставляя стихи символистов и акмеистов, в частности З.Н. Гиппиус и Гумилева, В.И. Коровин показывает, что расхождение между символизмом и акмеизмом излишне преувеличено, т.к. в основе их «...мечтаний лежит общий романтический корень — ожидание чуда, которое в грядущем преобразит мир» (С. 389). Оценивая поэзию в сборнике «Колчан», проявившуюся при осмыслении творчества Фра Беато Анджелико, В.И. Коровин заключает: «...поэт осознал основной принцип жизни человека, художника. Этот принцип совпадал для него с существом акмеизма — не отрицать небесное, потустороннее, а ощущая и понимая его присутствие, не вторгаться в его изображения прямо и непосредственно, с терпением ожидая открытия тайн от самого неведомого мира» (С. 418).

Для того чтобы точнее передать отношение Гумилева к начавшейся войне, В.И. Коровин ссылается на критика А.Я. Левинсона:

Войну он принял с простотою совершенной, с прямолинейной горячностью. Он был, пожалуй, одним из тех немногих людей в России, чью душу война застала в наибольшей боевой готовности. Патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание [2. С. 333].

В.И. Коровин отмечает, что для Гумилева война имела особое значение:

...он понял, что находясь каждую минуту между жизнью и смертью, он может проверить, действительно ли он Божий избранник или нет, поскольку война, с его точки зрения, дает такое бесспорное и неопровержимое знание (С. 423).

Литературовед, исследуя стихи и письма Гумилева, убедился в том, что во время войны поэт снова обрел уверенность в своей избранности и ощутил еще в большей мере, чем прежде, свою сопричастность Земле и Небу.

Это вселило в него исключительное мужество и пробудило творческие силы. Вместе с тем война начинает восприниматься им, и это получило отражение в его творчестве как тяжелый физический и духовный труд. Победа в ней невозможна без помощи и участия Бога. В военной лирике Гумилева нет и тени шовинизма. В.И. Коровин отмечает, что в период между «Колчаном» и «Костром» в России была непростая политическая обстановка: шла война, совершилось два переворота — февральский и октябрьский, и это не могло не оказать воздействия на творчество Гумилева. Исследователь полагает, что название «Костер» связано с русским пожарищем, испепеляющим и очистительным огнем. В нем традиционные для Гумилева мотивы лирики переосмыслены и углублены. В «Костре» теплится уверенность, что рано или поздно Россия выберется на «Божью дорогу».

В пятой главе В.И. Коровин задумывается над тем, чем была обоснована последняя вспышка «экзотизма» в сборниках «Фарфоровый павильон» и «Шатер». Незнание китайского языка не смущало Гумилева. Обращаясь к китайской поэзии, он стремился воплотить в переводах простоту, точность и ясность, почерпнутые из поэтики китайской средневековой лирики.

Другая причина обращения к китайской лирике, как полагает исследователь, была вызвана политическими переменами, произошедшими в России, итог которых был чужд Гумилеву — убежденному монархисту. И, погружаясь в вечно спящий китайский мир, поэт искал стабильности и обрел ее в духовной жизни Китая, где ничего, как он полагал, не изменилось спустя тысячелетия. В.И. Коровин показывает, что центральными мотивами сборника «Фарфоровый павильон» стал Китай, поэзия, философско-поэтическое созерцание, устремленность в духовную сферу, устойчивость и крепость гуманистических ценностей.

Для того чтобы понять своеобразие переводов Гумилева, В.И. Коровин осмысливает особенности образности китайской поэзии, философию восприятия мира, стремление к идеализации прошлого и желание превратить настоящее в подобие древности.

Подытоживая поэтические размышления Гумилева в «Фарфоровом павильоне», В.И. Коровин резюмировал:

...необходимо признать, что катаклизмы XX века вызвали в поэте не растерянность, а жизнеутверждающее начало, стремление к порядку и гармонии, к продолжению человеческой истории. С этой целью он обратился к Китаю как к символу вековых традиций, устойчивости, спокойствия, несмотря на сложность его исторического пути (С. 504).

В.И. Коровин отмечает, что образ Африки, явившийся в сборнике «Шатер», многолик. Он связан с мировой и русской литературами, в то же время «Африка напоминает Гумилеву взбудораженную и взбаламученную Россию, в детях которой проснулись и выплеснулись наружу дикие инстинкты» (С. 509).

По мнению исследователя, позиция Гумилева — поэта-акмеиста — чужда экзотике символизма. Он преследует иные цели активного познания экзотических стран и путем художественного освоения включения их в мировую культуру. Теперь он ценит не столько экзотику, как это было в его раннем творчестве, сколько непосредственность, искренность чувств и простоту их выражения. В.И. Коровин замечает, что в сознании Гумилева жили три Африки: «Африка мечты, Африка романтико-поэтическая, воплощенная в стихах, и Африка реальная» (С. 525).

Шестая глава посвящена анализу последнего сборника Гумилева «Огненный столп», который был откликом на революционные события. Как полагает В.И. Коровин, для поэта грянувшая революция — наступивший Страшный Суд. Это трагическое время, когда прошлое миновало, а будущее не наступило. Гумилев не отвлекается на все преходящее, не защищает монархию, он сосредоточивается на человеке и на духовных ценностях, которые могут погибнуть в огне Страшного Суда. Сопоставляя разные точки зрения на название сборника, В.И. Коровин вскрывает и библейские, и философские корни, питавшие идею такого наименования. Им учитываются и ассоциации, связанные с образом огненного столпа в стихах Гумилева и его современников. Поэт ощущает катастрофичность бытия, он охвачен апокалиптическими настроениями: Россия в огне, время Страшного Суда наступило. Огненный столп — центральный образ сборника, он символизирует переломный момент в истории человечества.

В.И. Коровин исследует острые социально-философские и религиозные проблемы, поднимаемые Гумилевым в «Огненном столпе». По его мнению, поэт расценивает состояние России как глубоко кризисное, трагическое, но не безысходное. Этот сборник является свидетельством того, что Гумилев находится на «перепутье от акмеизма к фантастическому реализму. <...> но нет сомнения, что поэт стоял на пороге новых художественных открытий» (С. 776).

Завершая исследование, В.И. Коровин резюмировал:

Если подвести общий итог творчеству акмеистов и лирике Гумилева, то можно сказать, что акмеизм, включая лирику Гумилева, — это редуцированный символизм, устранивший в «теории» непознаваемое и сохранивший в художественной практике (С. 804–805).

Гумилев никогда не останавливался на достигнутом, в океане поэзии его всегда влекли распахнутые горизонты. Уйдя от символизма и став акмеистом, он не успокоился: в его душе зарождалось новое течение, которое он, увы, не успел нанести на карту русской литературы.

И.В. Одоевцева утверждала, что Гумилев признавался ей:

...сколько непомерного труда стоила мне работа над собой! Мало родиться поэтом, надо суметь остаться поэтом в продолжение всей жизни до самой смерти <...> Прежде чем в стихах, поэзия должна воплотиться в самом поэте и превратить его жизнь в произведение искусства [3].

Если жизнь Гумилева и была произведением искусства, то это, разумеется, трагедия. А в трагедии есть нечто очищающее душу.

В заключение хотелось бы отметить, что своим исследованием В.И. Коровин удовлетворил потребность современных ценителей поэзии Гумилева в их стремлении обнаружить источники, питавшие его талант в ходе творческой эволюции, и по достоинству определить его место в истории отечественной лирики.

Источники, цитируемые в настоящей книге, являются подлинными и отражают современную точку зрения на исследуемую проблему. Таким образом, рецензированное издание полностью соответствует цели, поставленной автором.

Писать рецензию на книгу В.И. Коровина очень непросто и прежде всего потому, что она наполнена огромным количеством интереснейшего материала. Читатель помимо своей воли (иначе нельзя) превращается в соучастника исследовательского процесса. Автору книги свойственен необыкновенный дар — постигать истину вместе с читателем, заставляя его осмысливать, рассуждать, сомневаться, возвращаться к прочитанному, идти дальше, развивая идею исследователя и открывая для себя неведомое. Наверное, в этом и состоит подлинный талант Коровина-ученого. Его книга — это этап постижения не только лирики Гумилева, она погружает читателя в эпоху начала XX в. в мир бесценных для русской литературы сокровищ Серебряного века.

## Литература

1. Кузмин М. Гумилев Н. Чужое небо. Третья книга стихов // Аполлон. 1912. № 2. С. 73–74.
2. Левинсон А. Гумилев // Н.С. Гумилев: Pro et Contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. 658 с.
3. Одоевцева И. Так говорил Гумилев. URL: <https://gumilev.ru/biography/148>

## References

1. Kuzmin M. Gumilev N. Chuzhoe nebo. Tret'ia kniga stikhov // Apollon. 1912. No. 2. S. 73–74.
2. Levinson A. Gumilev // N.S. Gumilev: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo Nikolaia Gumileva v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei. St. Petersburg: Izd-vo Russkogo Khristianskogo humanitarnogo instituta, 2000. 658 s.
3. Odoevtseva I. Tak govoril Gumilev. URL: <https://gumilev.ru/biography/148>



**Скибин Сергей Михайлович,**  
доктор филологических наук,  
профессор кафедры литературы и методики ее преподавания  
Оренбургский государственный педагогический университет

**Skibin Sergey M.,**  
Doctor of Philology,  
Professor of the Literature and Methods of Its Teaching Department  
Orenburg State Pedagogical University

e-mail: [skibin\\_fil@mail.ru](mailto:skibin_fil@mail.ru)

Статья поступила: 18.06.2025

Принята к печати: 20.08.2025